

Мой муж и
РЕБЕНОК

Злата Романова и Мила Реброва

Злата Романова

Мой чужой ребенок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68502351

SelfPub; 2023

Аннотация

Я развелась с мужем после трагической гибели нашей дочери, но в тот же день, когда наш развод официально завершился, увидела в сквере девочку, как две капли воды похожую на мою дочку. Эта девочка – дочь моего босса Стаса Дубова. Строгого женоненавистника, за работу на которого я держусь, чтобы иметь возможность время от времени видеть его дочь, так похожую на мою. А когда он неожиданно начинает проявлять ко мне знаки внимания, пользуюсь этим и выхожу за него замуж, чтобы стать матерью девочки, которую, я уже знаю, у меня украли.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Злата Романова

Мой чужой ребенок

Пролог

– Садись, Марина, – сквозь зубы цедит муж и я недоуменно смотрю на него, прежде чем опуститься на кресло.

Стас явно чем-то расстроен. Он никогда не называет меня Мариной. Всегда только Маря или Маришка. Даже когда мы ссоримся, что тоже случается нечасто.

– В чем дело, Стас? Ты меня пугаешь, – нервно улыбаюсь я, когда он обходит стол и садится на свое место.

Чувствую себя провинившимся сотрудником, которого сейчас будет отчитывать начальник.

– Буду краток: я знаю, почему ты вышла за меня замуж, – обрушивает на меня новость муж. – Не вижу смысла продолжать этот фарс дальше. Мы разводимся, Марина.

У меня такое чувство, словно небо обрушилось на мою голову. То, чего я так долго боялась, случилось. Но что хуже всего, Стас не злится. Не пытается докопаться до истины, не спрашивает, почему я сделала то, что сделала, люблю ли я его, нужен ли он мне. Он просто холодно заявляет, что мы разводимся. Констатация факта. Ему не интересно, чего я хочу, нужен ли мне этот брак. Он просто все решил сам.

– Прости... – сдавленно шепчу, не зная, как начать. – Стас, я...

– Избавь меня от оправданий, – повелительно поднимая руку, обрывает меня муж. – Я не хочу ничего обсуждать. И слышать тоже ничего не хочу. Просто не усложняй мне жизнь еще больше и подпиши документы. С Аришей я тебе видаться позволю, но никакой совместной опеки и походов в суд. Не пытайся отнять ее у меня или ты вообще ее больше не увидишь. Она – моя дочь и будет жить со мной. Думаю, тебе не нужно объяснять, на что я способен, учитывая мои связи. Будешь вести себя смирно – я просто забуду о том, что ты сделала и позволю навещать ее. В присутствии няни и телохранителя, естественно. Что же касается нас с тобой, то сделай одолжение – никогда больше не попадайся мне на глаза. С этого дня ты для меня умерла.

– Стас, – всхлипываю я, надеясь, что он поймет и простит, даст мне объясниться, потому что я не хочу его терять. – Пожалуйста, прости меня! Я ведь не хотела ничего плохого, клянусь! Мне просто нужно было быть с ней. С нашей Аришкой. Умоляю, я...

– Прощай, Марина, – снова обрывает он меня недовольным голосом, а потом просто встает и выходит, оставляя одну в своем кабинете. Не только не дав второго шанса, но даже не позволив сказать, что я люблю его и ради этой любви хочу все исправить и сохранить нашу семью.

Стас Дубов не обманывал, когда говорил, что никому не

дает вторых шансов. Не думала, что он откажет в нем и мне, учитывая, как он добивался и боготворил меня, но я никогда не сомневалась в силе его любви ко мне. До сегодняшнего дня. Потому что принципы, очевидно, оказались для него важнее любимой женщины.

Глава 1

Марина

– Ты уверена? – спрашивает Валера, зависнув с ручкой в руке.

– Подписывай, – говорю ему, смотря на заявление.

Никогда бы не подумала, что, если и настанет день, когда мы разведемся, я не буду совершенно ничего чувствовать по этому поводу. Ни боли, ни даже ностальгии.

Хотя, чему удивляться...

Вся моя боль досталась моей безвозвратно ушедшей крошке, а других эмоций во мне просто нет. Они были выжжены дотла в тот день, когда ее не стало.

– Ты ведь знаешь, что, если тебе что-то понадобится... – начинает Валера, когда мы выходим из ЗАГСа, но я обрываю его.

– Это вряд ли.

– Не будь такой стервой, Марина, – раздраженно говорит он. – Мы же не чужие. Прими помощь.

И тут я вспоминаю, что еще способна злиться. В частности, на него. Человека, который потерял то же, что и я, но который не разделяет мое горе.

– Она умерла по моей вине! Я мать, я должна была уследить, почувствовать! Это ты сказал мне? Ты, Валера! И я при этом стерва?

– Прости, – задыхается он, цепляясь за мои руки.

На лице написана вина, но меня не трогают его угрызения совести.

– Я не думал, что говорю. Горе затмило мне разум!

– Нет! – брезгливо отдергиваю руки. – Ты трусливо пытался возложить на меня вину за смерть нашей девочки! Когда виноват был ты! Только ты!

Люди оборачиваются на нас и Валера тут же начинает неуверенно смотреть по сторонам. Как всегда, беспокоясь об общественном мнении больше, чем о нашем разговоре.

Как я вообще могла жить с этим человеком? Такое ощущение, словно со смертью Аришки, с меня спали розовые очки, сквозь которые я не замечала недостатков людей, которыми окружила себя.

– На этом все, Валер, – твердо сообщаю ему. – Созвонимся, когда дойдет до штампов.

Спускаясь в метро, чтобы поехать в офис, вяло размышляю, что не завтракала. Однако, есть не хочется. Не хочется уже давно. Я знаю, что у меня депрессия, понимаю умом, что гроблю свое здоровье, но мне действительно на это плевать. Я не могу думать ни о чем, кроме Аришки.

Снова и снова прокручиваю в голове ту ночь, когда она умерла. Я ведь вставала на ночное кормление! Она была в полном порядке. Обычный здоровый ребенок. Жадно высосала свою бутылочку и тут же уснула. Все, как всегда. Абсолютно одинаковое расписание наших ночей, ведь после пер-

вых трех месяцев жизни, Арина стала образцовым ребенком, который не плакал по ночам и просыпался лишь два раза для кормления в два и пять часов утра.

Моя всегда счастливая малышка... Самая красивая, самая любимая. Я помню каждую черточку ее лица, ее большие голубые глазки, светлый пушок волос, пахнущих молочком и ею самой. То, как она причмокивала губами, когда была голодна.

Прошло уже четыре месяца. Почти столько же времени, сколько она прожила на свете. Моей девочке было лишь полгодика, когда ее не стало. Она просто уснула и не проснулась. Перестала дышать. Существовать. И кажется, я навсегда застряла в том дне, потому что, вопреки словам окружающих, время не лечит и легче не становится.

Сама не понимаю, что плачу, пока не вижу косящихся на меня людей в вагоне метро. Но мне все равно. Утираю слезы и слежу за станцией. Нельзя пропустить свою, я и так взяла отгул на пару часов на работе, чтобы пойти в ЗАГС, не успев устроиться туда.

В данный момент жизни, работа – единственное, чем я дорожу. Потому что только она способна отвлечь меня, хоть ненадолго, от моего горя. Я начала новую жизнь, уйдя от Валеры. Мои новые соседи не знают, что со мной случилось. Они просто считают меня нелюдиминой чудачкой. Не лезут с сочувствием. То же самое на новой работе. Коллеги только удивляются моему трудолюбию и с облегчением переклады-

вают часть своих обязанностей, не лезя с лишними разговорами, ведь я сразу дала понять, что предпочитаю сосредоточиться на делах и не люблю, когда меня отвлекают.

Выйдя из метро, как обычно иду в офис через небольшой парк, чтобы срезать путь. Я работаю в огромном небоскребе и вид оттуда как раз открывается на этот парк.

Проходя мимо женщины с коляской, уже не зависаю, как раньше. Напротив, отвожу взгляд. Но внимание, вдруг, привлекает громкий счастливый визг. Непроизвольно кидаю взгляд в ту сторону и так и застываю на месте. Потому что передо мной призрак. Иначе, никак не объяснить, что я вижу на коленях незнакомой женщины собственную дочь.

Свою Аришку.

Пошатываюсь и чуть не падаю на землю, но в последний миг меня подхватывают сильные мужские руки.

– Девушка, Вам плохо?

Поднимаю ошалевший взгляд на мужчину, приходя в себя. Он все еще держит меня практически на весу.

– И-извините, голова закружилась, – отвечаю, отстраняясь от него.

«Боже, ну и привидится же такое! Не иначе, как голодные галлюцинации. Нужно поесть что-нибудь»

– С Вами точно все хорошо? Может вызвать скорую? Вы очень бледная, – подает голос женщина, сидящая на скамейке с ребенком.

Ребенком, которого я приняла за свою мертвую дочь.

Несмело перевожу взгляд на малышку, чтобы удостовериться в своем бреде, но ноги снова подкашиваются. Потому что это действительно Аришка. Ее голубые глаза и бровки домиком. Ее маленький круглый ротик и светлые волосики, выбивающиеся из-под шапки. Это она, точно она, только немного старше. Такая, какой и должна быть в десять месяцев!

– Ну-ка, сядьте, – усаживает меня пришедший на помощь мужчина, рядом с ней на скамейку, а я не могу оторвать взгляд от ребенка.

Слезы ручейками стекают по лицу и я едва успеваю их вытирать, чтобы не затуманивали зрение и не мешали смотреть на Аришку. Не вижу и не слышу ничего кругом, только смотрю, срываясь на рыдания. Пока, внезапно, обзор не загораживает широкая мужская грудь.

– Пожалуйста, успокойтесь, – просит он, слегка хлопая меня по щекам. – Люба, набирай скорую. Скорее всего, это нервный срыв.

– Па! – раздается вдруг звонкий детский визг.

Мужчина оборачивается и я вижу, как за его спиной, моя доченька тянет к нему ручки.

– Па! – требовательно верещит она.

Моя девочка уже разговаривает? Почему она называет этого мужчину папой?

Перевожу на него растерянный взгляд, впервые осознанно разглядывая лицо, и вздрагиваю от узнавания.

Это он! Станислав Дубов. Самая большая шишка в списке клиентов моей бывшей свекрови в ее клинике репродуктивной медицины. В той самой клинике, в которой мне делали ЭКО на той же неделе, что и его жене. И сейчас моя дочь называет его папой.

Мозг перерабатывает информацию даже прежде, чем я успеваю осознать и принять.

Совпадение? Таких совпадений не бывает.

Голову пронзает чудовищная догадка. У меня сотня вопросов и я не побоюсь их задать. Вскакиваю на ноги, готовая к нападению, но тело снова подводит меня. Голова кружится и, на этот раз, я просто теряю сознание.

Стас

Едва успеваю в который раз подхватить хрупкую женскую фигурку, прежде чем она падает кулем на дорожку в парке. Чертыхнувшись, беру потерявшую сознание девушку на руки и несу ее к зданию, на ходу указывая няне вернуться домой с малышкой.

Девушка в моих руках ощущается практически невесомой. Худющая до невозможности, кости выпирают, где только можно, сквозь свободное офисное платье. Не удивлюсь, если у бедняжки анорексия.

Оказавшись в холле, кладу ее на диван для посетителей и иду к кулеру. Скорую моя няня Люба уже успела вызвать, но неплохо бы привести девушку в сознание.

– Вызвать скорую? – участливо интересуется охранник на

входе.

– Уже вызвали, – отвечаю ему.

Несу воду в стаканчике и слегка плещу пальцами на лицо субтильной блондинки. Она вздрагивает и медленно открывает глаза, пытаясь сфокусировать взгляд. Пробует встать, но я удерживаю ее, положив руку на плечо.

– Лежите, девушка. Скорая уже едет. Вот, выпейте воды пока.

Подношу к ее губам стаканчик, слегка поддерживая под шею, и она послушно делает пару глотков, после чего обессиленно прикрывает глаза.

– Не надо скорую, – шепчет через пару минут. – Давление понизилось. У меня в сумке лекарство.

Чертыхаюсь, вспомнив, что сумку она уронила в парке, но тут на помощь приходит охранник, подавая мне женскую сумочку.

– Это не она? Женщина с ребенком только что передала ее мне.

Девушка вздрагивает и распахивает веки, за которыми скрываются необычные каре-зеленые глаза, отдающие янтарем. Я показываю ей сумку, которую принес охранник, и она медленно садится, дрожащими руками открывая ее и ища в ней свои таблетки.

Ее руки так сильно дрожат, что она не сразу находит искомое, а найдя, роняет пластинку на пол. Я поднимаю ее и достав одну таблетку, протягиваю ей вместе с оставшейся во-

дой. Потом подхожу к автомату и покупаю плитку темного шоколада. Открываю его на ходу и снова сев рядом, протягиваю ей маленький квадратик.

Девушка смотрит на него, как на что-то совершенно неожиданное, а потом, берет неустойчивой рукой и кладет в рот. При этом, ее глаза начинают слезиться. Бедняжка жует и плачет, и, выглядит такой несчастной при этом, что я понимаю, что у нее явно проблемы пищевого поведения, как я и предположил сначала. Руки и ноги худенькие, как спички, а скулы на лице остро выступают вперед.

Я постепенно скармливаю ей половину шоколадной плитки, а она не перестает реветь и смотрит на меня взглядом потерянного щенка. И становится так не по себе от ее несчастного вида, что я с облегчением выдыхаю, когда к нам с встревоженным криком подбегает другая девушка.

– Марина, Боже мой, что с тобой?

Я встаю, уступая ей место, и кладу шоколад на сто лик. Ни один человек из зевак, собравшихся в холле, не подошел к нам до сих пор.

– Вы ее знаете? – спрашиваю у брюнетки.

– Мы коллеги, – отвечает она, задерживая на мне взгляд.

Чувствую знакомое отвращение от ее начавших блестеть глазок. Очередная охотница. Даже беспокойство за коллегу отошло в сторону, вон как разглядывает меня, словно экспонат в музее. Наверняка, узнала.

– У нее упало давление, но скорая уже едет. Присмотрите

за коллегой, мне уже пора.

– Конечно-конечно! – сочувственно кудахчет та. – Спасибо Вам огромное! Марине очень повезло, что такой человек, как Вы, оказались рядом.

Не даю втянуть себя в разговор и коротко кивнув, разворачиваюсь, направляясь к лифтам. В этом здании работает множество организаций, но я самый крупный арендатор – занимаю пять этажей, один из которых служит мне домом, а остальные – головным офисом крупнейшего продюсерского центра страны. Я уже привык к тому, что со мной здороваются люди, которых я знать не знаю, и проявляют внимание те, кто хочет познакомиться поближе, но навязчивость женщин раздражает больше всего.

Причем, до брака с Региной, я воспринимал это с каким-то весельем и нередко использовал шанс взять номерок у очередной красотки, но после всего, что натворила моя бывшая жена, женщины стали видаться мне в совершенно другом свете.

А ведь с тех пор, как я развелся, эти хищницы, будто почуввав свежую кровь, активировались с невиданной скоростью и прытью. Даже моя ассистентка начала приходить на работу в нарядах, подчеркивающих ее фигуру и откровенно демонстрирующих декольте, хотя я еще при приеме на работу четко дал понять, что личных отношений с подчиненными не завожу и при любом проявлении непрофессионализма увольняю без предупреждений.

Что уж говорить о других, когда в моем окружении полно девиц, мечтающих с моей помощью стать звездами. Им невдомек, что через постель этого не добиться. И уж точно не добиться от меня предложения руки и сердца.

Моя бывшая жена Регина была самой большой поп-звездой страны. И именно я был тем, кто поднял ее с нуля. Причем, встречаться мы начали лишь спустя три года после начала сотрудничества, когда она уже была на пике славы. Нашу пару считали образцовой. Идеальной.

«Дружба, перешедшая в любовь» – пестрели заголовки журналов.

«Их отношения – особенные» – делились мнением коллеги.

«Такие пары не расстаются, их связывает слишком многое» – писали восторженные фанаты.

Но на деле все это оказалось лишь красивой картинкой, в которую я имел глупость поверить.

Едва ли я еще раз попадусь в ловушку женщины и позволю охмутать себя узами брака. Плавали – знаем. Сейчас в моей жизни есть только одна очаровательная особа женского пола – моя дочь, и это вряд ли изменится.

Глава 2

Марина

Меня отпускают с работы из-за плохого самочувствия и вызвав такси, я на всех парах мчу в клинику почти бывшей свекрови. Только Марта Платоновна может ответить на мои вопросы, потому что пребывание Станислава Дубова и его жены – известной певицы Регины Бальмонт, в ее клинике хранилось под строжайшим секретом. Я сама узнала только из-за того, что столкнулась с ними в зоне для персонала, когда шла во второй, для особых гостей, кабинет свекрови.

Догадываюсь позвонить ей по пути и руки ходят ходуном, пока ищущ номер в телефоне.

– Здравствуй, Марина! – своим обычным невозмутимым голосом отвечает свекровь.

– Здравствуйте, Марта Платоновна! Вы на работе? Мне нужно с Вами срочно поговорить.

– Конечно, Мариночка. Приезжай, – говорит она, видимо, надеясь, что я передумаю разводиться с ее сыном.

Она возражает против нашего развода даже больше, чем сам Валера. Строит сочувственную мину, притворяясь чуть лучше своего сына, и настойчиво предлагает нам попытаться снова и родить другого ребенка. Как будто это потерянная игрушка, которую можно заменить и забыть.

Оказавшись в клинике, я поднимаюсь в ее кабинет и по-

сле разрешения секретаря, вхожу внутрь. Марта Платоновна, как всегда, идеально выглядит. Женщина, как может, борется со старостью и ей это удается. Выглядит она максимум на сорок лет, все еще стройная, подтянутая блондинка с молочавым лицом.

– Мариночка, до чего же ты себя довела, дорогая! – охает свекровь, обнимая меня за плечи и ведя к стульям для посетителей. – Нельзя так шутить со здоровьем, одна кожа да кости!

У меня нет терпения на пустые разговоры. Я и так еле сдержалась по телефону, проявив вежливость, когда мне хотелось просто накричать на нее, немедленно требуя объяснений.

– Я пришла спросить о Стасе Дубове, – сразу перехожу я к делу, внимательно наблюдая за ее реакцией.

Женщина меняется в лице, но быстро приходит в себя и наигранно улыбается.

– А что с ним, Марина?

– Вы знали, что я устроилась на работу именно в его компанию? Мы с ним на разных этажах, но все же умудрились встретиться лично.

Марта Платоновна отворачивается, чтобы обойти свой стол и сесть на кресло. Я достаточно хорошо изучила ее за два года брака с Валерой, чтобы понимать, когда она нервничает, хотя актриса из нее хорошая. Пальцы, сцепленные в замок на столе, побледнели от силы, с которой она их сжала.

Значит, я права.

Странно, что меня это не удивляет. Только заставляет разозлиться до такой степени, что я чудом не накидываюсь на нее с кулаками.

– Почему его дочь – точная копия моей, Марта Платоновна?

– Что за чушь, Марина! – нервно улыбается она. – Не может такого быть.

– Не смейте, – шиплю разъяренной кошкой. – Ни слова лжи, Марта Платоновна! Немедленно признавайтесь, что за махинации у Вас тут происходят? Дубовы проходили ЭКО в то же время, что и я. А теперь выясняется, что их дочь – копия моей Аришки. Как это понимать?

Эта ужасная женщина имеет наглость рассмеяться мне в лицо.

– Ты не в себе, Мариночка! Ну, что за ерунда? Не мели чепухи! У тебя депрессия, ты явно нездорова и тебе могло почудиться что угодно. Знаешь, я нашла для тебя хорошего врача, как раз собиралась скинуть тебе его контакты. Ты бы походила на терапию, может, полегчает.

Я вскакиваю на ноги, дрожа от ярости. Мне нужна правда и я не уйду без нее.

– Перестаньте говорить со мной таким тоном! Я похожа на дуру? Если не хотите, чтобы я подала на Вас в суд и осветила это дело по всем соц. сетям, то немедленно говорите правду! Я видела ее сегодня! Своими глазами. И это точно моя

Аришка! Что Вы сделали? Детей было двое, но Вы скрыли это от меня, поэтому и настаивали на кесаревом сечении? Чтобы отдать моего ребенка другой паре?

– Ты сошла с ума, Марина! – кричит свекровь, разыгравшая шок. – Каким образом я бы смогла скрыть наличие двух детей? Ты разве не помнишь свои скрининги? А Дубов! Вся страна в курсе, что у его жены начались преждевременные роды и ребенок оказался нежизнеспособен. Он умер за три месяца до рождения нашей Аришки. Если у него и есть дочь, то явно не с моей помощью. Посмотри в интернете и сама убедишься. Он развелся и его жена даже отношения не имеет к этой девочке. Которая, кстати, похожа на него и точно является его дочерью. Загулял мужик, вот Бальмонт его и бросила, бедняжка. Наша клиника с этой беременностью никак не связана. Его дочь родилась обычным путем от любовницы.

Я не верю ей. Она что-то сделала, иначе и быть не может. Как может один ребенок оказаться точной копией другого?

Достаю свой телефон из сумки и захожу в браузер – искать новости о Дубове. Все выглядит вполне правдоподобно. Он действительно развелся с Региной Бальмонт через несколько месяцев после того, как она родила. Ребенок не прожил и суток. А вот упоминания о его дочери появились через месяц после смерти моей Аришки. Он не сделал никаких заявлений и вообще оберегает ребенка от внимания прессы. Зато его бывшая жена дала громкое интервью, в котором обвини-

ла его в крушении их брака и заявила, что не имеет никакого отношения к его новому ребенку.

– Убедилась? – ядовито спрашивает Марта Платоновна. – А теперь, будь добра, покинь мой кабинет. Я жду посетитель. Телефон психотерапевта я тебе пришлю.

– Я все равно узнаю правду, – твердо говорю ей, направляясь к выходу.

Потому что это девочка – моя. И я от нее не откажусь.

Еду на работу к Валере, зная, что он наверняка там в это время. Наверное, мать предупредила его о моем визите, так что заявлюсь к нему неожиданно.

Мой муж тоже врач, работает в дорогой частной клинике невропатологом. Я почти уверена, что он не рассказал коллегам о надвигающемся разводе, потому что все еще считает, что это моя блажь и я опомнюсь. Внешнее благополучие и успех очень важен для Валеры. Я и раньше это замечала, конечно, но не обращала внимания на его тщеславие, ведь никто не идеален. Однако, теперь, все его недостатки предстали передо мной в совершенно ином свете. Вот что делает с человеком отсутствие любви, зашоривающей глаза.

Приехав в клинику, веду себя, как обычно. Здравуюсь со знакомыми и поднявшись в приемную мужа, подхожу к секретарю, услуги которого он оплачивает сам, так как клиника не предоставила ему отдельного работника.

– Добрый день, Марина Антоновна, – здоровается она с дежурной улыбкой на красивом лице.

Я не раз ревновала Валеру к его секретарю, потому что у нее просто потрясающая внешность. Даже то, что девушка оказалась замужем меня не успокаивало, а сейчас, если он и изменял, мне почему-то все равно. Даже злости нет.

– Здравствуй, Варвара. Валера у себя?

– У него последний посетитель перед обеденным перерывом. Подождите немного, пожалуйста!

Сажусь на стул и жду десять минут, прежде чем открывается дверь в кабинет и оттуда выходит тучная женщина. Валера выходит следом и увидев меня, тяжело вздыхает.

– Заходи, Марина.

Решительно направляюсь к нему и плотно закрываю за собой дверь.

– Мама рассказала мне, что ты учудила, – переходит в наступление мужчина, присаживаясь на край стола со скрещенными на груди руками.

На его лице застыла маска жалости.

– Мне нужны ответы, Валер. И я без них не уйду.

Бросаю сумку на кресло, но остаюсь стоять. Не могу успокоиться, не могу расслабиться настолько, чтобы усадить свое тело. Чувствую мощный прилив адреналина, полностью готовая к борьбе. Расколоть Валеру будет проще, чем его мать. Я уверена, что добьюсь от него хоть чего-нибудь. Хоть какого-то ответа или подсказки. Потому что он не может ничего не знать. Они слишком близки с матерью и она рассказывает ему почти все, включая свои не совсем законные способы

заработка.

– Что ты хочешь услышать от меня? – вздыхает Валера. – Наша Аришка мертва, Мариш. Она не дышала. Я пытался ее реанимировать и я же установил смерть. Ты была там. Стояла так же близко, как сейчас ко мне. И у тебя все еще остались сомнения?

Слезы текут по моим щекам, стоит вспомнить все, что случилось в ту ночь, но я зло вытираю их. Сейчас не время.

– Я не видела ее в гробу.

Валера закрывает глаза и качает головой.

– Боже, Марин! Когда ты уже поймешь, что не одна потеряла ее?! У тебя было нервное истощение, ты тупо лежала, не реагируя ни на что! Мне нужно было ждать, пока ты не придешь в себя, а тело нашей дочери не начнет разлагаться? На похоронах были наши родные и друзья. Десятки людей были свидетелями! Постарайся хоть раз включить мозг и мыслить логично. Каким образом наша Арина, которая сто процентов умерла перед нашими глазами, может, вдруг, каким-то чудом, оказаться дочерью Дубова? Она была нашей! Думаешь, он не провел анализ ДНК, прежде чем признать ее? Такие мужчины не верят на слово своим любовницам, потому что охотниц за алиментами хватает. Они проверяют. Я не знаю, что ты видела, но если его дочь и похожа на нашу, то это просто невероятное совпадение. Хотя, я даже не уверен, что это так на самом деле. Тебе могло привидеться что угодно.

– Так вот значит как, да? – истерически смеюсь ему в лицо. – Ты теперь делаешь упор на то, что я душевно больная? Психически нездоровая? Иди ты к черту, Валера! Я, может, и похудела от стресса, но мой мозг работает, как надо. Галлюцинаций у меня нет, как и проблем со зрением. Я знаю, что я видела. А также, я знаю тебя. Ты говоришь очень логично, вот только нервы у тебя не на месте, как и у твоей мамы. Немедленно признавайся, что вы натворили! Дети одного возраста. У нас была двойня, не так ли? Ты согласился отдать одну из наших дочерей? Сколько вам заплатили за это?

Я хватаю его за лацканы, требуя ответа и желая вытрясти всю душу, но Валера твердой хваткой отстраняет меня, сам отходя на пару шагов.

– Уходи, Марина. Я не намерен выслушивать твои глупые фантазии. Можешь обратиться в суд, в полицию, да куда угодно! Я больше не хочу иметь ничего общего с тобой, хотя видит Бог, был достаточно терпелив. Я единственный пытался держаться за нас и спасти брак. Теперь я вижу, что ты действительно изменилась. Мне жаль, что ты не позволила мне разделить с тобой твою боль, но что случилось – то случилось. А мысль о близняшках выброси лучше сразу из головы. В клинике есть вся документация, а также показания персонала, которые вели беременность и роды. Я не боюсь исков и маме бояться тоже нечего. Правда на нашей стороне, а то, что тебе что-то там показалось – это не наши про-

блемы. Но настоятельно советую позвонить врачу, которого нашла для тебя мама. Ты должна понять, что цепляешься за бредовую идею, потому что не можешь смириться со смертью Аришки.

– Я все равно докопаюсь до правды, Валера, – обещаю ему. – Не думай, что я испугаюсь или отступлю из-за ваших «доказательств». Меня ничто не остановит, пока я не выясню все. Раз вы не хотите говорить, то я спрошу у Дубова. Уж он-то знает, откуда появилась его дочь и точно не захочет огласки.

Глава 3

Стас

Два месяца спустя...

– Я нашел тебе идеальную кандидатуру! – объявляет с порога Миша с торжественным выражением на лице.

– И тебе доброе утро, Мишаня. Кого нашел?

У меня хорошее настроение с утра, потому что дочка сегодня впервые сделала самостоятельные шаги. Конечно, она упала после трех, но ведь их же сделала сама! Без моих поддерживающих рук. А няня беспокоилась, что припозднилась моя девочка и меня зря заставила волноваться. Никогда бы не подумал, что меня будут волновать подобные вещи, но отцовство сильно меня изменило.

– Девочку с четвертого уровня, представляешь? А я ведь там даже искать не хотел, текучки кадров практически нет, а те, кто работает, изучены с головы до ног.

Официально Миша занимает должность креативного продюсера, но на деле является вторым человеком в компании, обязанностям которого нет конца и края. Он мои глаза и уши, а также все другие полезные части тела, и, если кого-то и можно назвать незаменимым, то его.

– И как же ты обнаружил этот бриллиант?

– У меня есть там один человек, – хитро улыбается этот интриган. – Девочка работает у нас три месяца, причем ра-

ботаает за троих. То, что тебе нужно. Не так-то просто найти таких работоспособных, как Аглая.

С сожалением вздыхаю о своей личной ассистентке, которую уволил позавчера. Аглая была прекрасным работником, но, несмотря на предупреждение, пресекла границы, попытавшись стать для меня кем-то большим, чего я терпеть не стал. Пришлось уволить. Надеюсь, новый ассистент будет хотя в половину таким же полезным.

– Ты уже поговорил с ней? – спрашиваю, надеясь на положительный ответ, и Миша не подводит.

– Конечно, и она согласна. Девочка только развелась, устраивать личную жизнь не стремится, о мужиках и слышать не хочет, а главное, не против сверхурочной работы. Копит на собственный автомобиль, так что схватила за это предложение руками и ногами. Еще бы, при такой-то зарплате.

– Я смотрю, ты успел основательно с ней поболтать. Надеюсь, она не из болтливых сплетниц? И почему «девочка»? Только не говори, что это студентка на совмещенке!

Миша загадочно улыбается.

– Сам увидишь. Двадцать четыре года, но девочка девочкой. Не волнуйся, тебе понравится. Мне пришлось клешнями вытаскивать из нее информацию, так что она точно не болтушка. В общем, дареному коню в зубы не смотрят, но эта коняшка высшей породы и даже внешне соответствует статусу. Ну что, звать ее?

– Зови, – вздыхаю с сомнением.

Что-то слишком сильно ее Миша расписывает. Определенно есть какой-то подвох.

Десять минут спустя в мой кабинет заходит маленькая девушка и я понимаю, почему Миша называет ее девочкой. Он представляет ее, как Марину, а я сижу истуканом и не могу оторвать глаз, разглядывая это хрупкое чудо перед собой.

Марина похожа на одну из фарфоровых балерин, которых коллекционировала моя покойная мать. У нее невысокая, тонкая фигурка с аппетитно округлыми бедрами и красивыми ножками, которые я прекрасно вижу из-под юбки длиной немного выше колен, но основное внимание привлекает лицо. Сразу видно, что это не продукт косметологических процедур, а настоящая красота, созданная природой. Нос с крошечной горбинкой, аппетитно пухлые, но не слишком, губы и удивительные, слегка раскосые, глаза редкого янтарного оттенка. Как у лисицы. И их осуждающий взгляд, направленный на меня, мигом отрезвляет мою не к месту разыгравшуюся фантазию, потому что эта девочка произвела на меня впечатление с первой встречи, а такое действительно редко случается.

– Присаживайтесь, Марина, – говорю ей, решив обойтись без рукопожатий.

Собственная реакция бесит. Не хватало только в очередной раз потерять голову из-за женщины! В последний раз я так думал о Регине, после нее все женщины стали казаться

мне гарпиями, а с ней, ясное дело, ничего хорошего не вышло.

Регина была моим другом до того, как мы влюбились друг в друга, хотя химия между нами была с самого начала, но мы в то время оба были несвободны. Нас связывала работа, общие интересы и увлечения, а также бешеная страсть друг к другу. И даже желание завести детей у нас появилось в одно время, всего через год после свадьбы. Регине было двадцать семь, она считала, что готова. Я на два года старше и тоже полон желаний. Вот только год бесплодных попыток что-то изменил в наших отношениях.

Моя жена начала срывать, обвинять меня в том, что я виню ее в отсутствии у нас детей и считаю ее из-за этого неполноценной. Я не понимал, из-за чего она психует, потому что ни разу не дал ей повода усомниться в себе. Да, оказалось, что проблемы у нее, но я был готов на усыновление, однако, Регина все талдычила, что должна родить сама. Что она хочет этого больше всего на свете. И, хотя врачи предупреждали о маловероятности этого, чудо все же произошло и им удалось сделать успешное ЭКО в клинике репродуктивной медицины. Она, наконец, забеременела.

У нас словно начался второй медовый месяц. Несмотря на ее плохое самочувствие в первые месяцы, мы с Региной были счастливы, как никогда. Однако, когда из-за преждевременных родов, что-то пошло не так и наш малыш не прожил и дня, она словно сошла с ума.

Ей стало наплевать на все. Регина сначала погрязла в депрессии, а потом начала вести себя неадекватно. Я пытался ей помочь, искал психолога, психотерапевта, предложил устроить тур, чтобы отвлечься, но ее ничего не интересовало. В конце концов, она скатилась в бесконечные вечеринки и гулянки, а когда пошли слухи о романе с рэп-исполнителем, которого вел мой главный конкурент, я понял, что она окончательно наклала на меня и наш брак.

– Я ведь выбирала тебя, как надежного отца для будущих детей, – делилась потом Регина в пьяном угаре. – Но раз детей не будет, зачем жить с тобой дальше? Это конец, Дубов. Разводимся.

Она стала моим самым большим разочарованием в жизни. А ведь я и подумать не мог, что наши отношения строились на голом расчете. Ничего не говорило об этом. Регина всегда казалась мне искренней. Оказывается, она просто была такой до тех пор, пока ей был нужен брак с надежным быком-производителем.

Даже сейчас, смотря на эту девочку, я преждевременно делаю выводы о ней. Только, потому что она мне понравилась. Мои инстинкты вопят о том, что она то, что мне нужно. Но нельзя доверять своим ощущениям и тупым феромонам. Мне нужно контактировать с ней с холодной головой и никак иначе.

Марина

Дубов изучает меня, словно насекомое под микроскопом

и это напрягает. Сажусь после его приглашения, выпрямив спину и ожидая, пока начнется собеседование. Михаил Арсеньевич сказал, что если я понравлюсь боссу, к работе приступлю сегодня же. А еще строго наказал не флиртовать, чего я и так не собиралась делать. Уже наслышана о том, что он уволил предыдущую ассистентку за поползновения в его сторону.

– Какую должность ты занимаешь? – спрашивает Дубов, сверкая ярко-голубыми глазами.

Такими же, как у Аришки. У его дочери. Мне становится не по себе, поэтому перевожу взгляд на его нос. Совсем не смотреть в лицо начальству как-то невежливо.

– Офис-менеджер, – отвечаю уверенно. – А также менеджер по работе с клиентами. И младший продюсер. Не люблю сидеть без дела, перебирая бумажки в ожидании конца рабочего дня.

Он усмехается уголком рта и смотрит на Михаила Арсеньевича.

– Миша, уволь всех, чью работу она выполняла. Мне не нужны здесь бездельники.

Чувствую сожаление, но, если эти люди потеряют лишь работу, я потеряю свою жизнь. Они смогут устроиться в другую фирму, а я подобраться к Аришке – нет. Я все еще не знаю, каким образом Валера с матерью провернули это грязное дельце, но я знаю, что эта девочка – моя дочь. И я готова на все, чтобы быть рядом с ней. Даже войти в близкий кон-

такт с ее отцом, которого презираю за его беспринципность и аморальность.

– Я дам тебе неделю испытательного срока, Марина, – обращается ко мне Дубов. – И да, буду тыкать, потому что у нас с ассистентом происходит тесный контакт и я задолбаюсь со всеми этими официальными расшаркиваниями. Но кроме этого – никакой фамиллярности, можешь быть спокойна. Если я буду доволен твоими способностями, ты получишь эту должность. Если нет – вернешься на прежнюю, увольнять не буду.

– Спасибо, Станислав Сергеевич, – вежливо отвечаю ему, стараясь не кривиться.

Мне придется очень сильно постараться, чтобы не показывать ему свою неприязнь.

После ухода Михаила Арсеньевича, Дубов показывает мое рабочее место и вручает мне планшет и телефон моей предшественницы, после чего, объяснив принцип заполненных полей и сокращений в таблицах, оставляет одну с парочкой заданий, которые нужно выполнить до обеда.

Как только он удаляется в свой кабинет, встаю из-за стола и на дрожащих ногах иду в самый чистый общественный туалет, который только видела. Отстраненно отмечаю, что коллеги были правы, сплетничая о шикарных уборных на «главном» этаже. Запираюсь в одной из четырех кабинок и закусываю кулак, чтобы не зареветь.

Меня всю трясет. Я не могу поверить, что мне удалось

подобраться к нему. Причем удалось намного ближе, чем я могла рассчитывать. Слезы ручьями катятся по щекам и я опираюсь на стену, потому что ноги не держат.

«Я близко. Я иду к тебе, Аришка. Мама обязательно тебя вернет, малышка. Чего бы мне это не стоило!»

Пытаюсь взять себя в руки, но нервное напряжение последних дней сказывается. Не могу успокоиться. Как только говорю себе, что все, и вытираю слезы, меня сотрясает новый приступ плача. Как же мне это удалось? Как удалось, если это было практически невозможно?

Если раньше я не обращала внимания на то, о чем болтают мои коллеги, то поняв, что законными способами к Дубову и Марте не подобраться, начала думать над другими путями. Собрать информацию о враге было непросто. Я продолжала делать за других их работу, отвлекаясь только в обеденный перерыв – единственное время, когда могла увидеть свою малышку. Няня каждый день выводила ее на прогулку в час дня. Я наблюдала за ними издали, не смея приблизиться, и все мое существование свелось к тому промежутку времени, когда я смогу в очередной раз посмотреть на нее.

Я рассматривала кучу вариантов, советовалась с юристом, но, когда решила подать в суд, бывшая свекровь добровольно предоставила все записи о процедуре ЭКО и ведении моей беременности, просмотрев которые, юрист сказал, что все кристально ясно и причины для подачи в суд нет, ведь я родила здорового ребенка. Одного ребенка, чему есть свидетеле-

ли и документальное подтверждение.

Мне тупо нечего было предъявить, потому что кроме уверенности в том, что у Дубова моя дочь, у меня самой даже не было догадок, как он ее заполучил. И тогда, я решила, что могла бы подобраться к ней через него.

Я начала ставить таймеры, чтобы не забыть вовремя поесть, а также сходила к невропатологу, который прописал мне медикаментозное лечение, в котором я, оказывается, нуждалась. При моем слабом физическом состоянии я едва ли была способна на свершения.

На работе услышав сплетню о том, что всех «сверхурочных» как они в шутку называли меня, забирают на верхний этаж и после нескольких месяцев хороших результатов готовят для лучших должностей, я начала трудиться еще усерднее, ведь на верхнем этаже Дубов хотя бы бывал, в отличие от нашего.

О том, что окажусь на «главном» этаже, да еще и в роли личного ассистента, я и мечтать не могла. Когда все стали болтать об увольнении ассистентки Дубова, меня охватило странное предчувствие. Я ходила сама не своя, молясь Богу и боясь надеяться, но мои молитвы были услышаны, потому что Михаил Арсеньевич пришел за мной, как настоящий ангел, и предложил то, от чего я не посмела бы отказаться — шаг к исполнению моего самого заветного желания.

Глава 4

Марина

Всю первую неделю я привыкала к новым обязанностям и графику. Работы под руководством Дубова было много. Я сделала вывод, что этот человек стремится всё контролировать, в том числе и своих работников. Даже вездесущий Михаил работал меньше, чем он, притом, что обязанностей у него было куда больше. Дубов контролировал всех, кто вел более-менее значимых клиентов.

Я же контролировала его. Вернее, его расписание. Потому что мой начальник был так занят, что его встречи были расписаны до ночи. Единственное время, которое он никогда не забивал – это время обеда. Каждый обеденный перерыв Дубов проводил с дочерью либо в ресторане, находящемся на первом этаже здания, либо в парке, где я впервые встретила её.

Естественно, мне всё ещё приходилось наблюдать за всем этим издали. Всё неделю я идеально выполняла свои обязанности и ни в коем случае не делала никаких намёков, а также не говорила ничего, что можно было бы принять за флирт.

В последний день, когда моя неделя в качестве ассистента Дубова подходит к концу, я иду на работу на дрожащих ногах, беспокоясь что не прошла свой испытательный срок, и

мой страх только увеличивается от сурового взгляда начальника, когда я вхожу в его кабинет.

В это утро я надела свое самое консервативное платье – черное, французской длины, с белым накладным воротником. На самом деле, хоть я и одеваюсь, следуя тенденциям постоянно меняющейся моды, мои наряды никогда не были откровенными или вызывающими. А туфли... Что ж, надо признать, туфли на каблуках я ношу при любых обстоятельствах. Только потому, что других в моем гардеробе нет. Я с детства была маленькой и из-за своего среднего роста, который в окружении высоких людей все же казался довольно незначительным, дико комплексовала.

– Доброе утро, Станислав Сергеевич! – здороваюсь с начальником. – Хотите ваш утренний кофе?

– Доброе утро, Марина! Спасибо, но я уже выпил свой утренний кофе дома. Дочка сегодня не проснулась, как обычно, рано, так что у меня было время для себя.

Меня удивляет то, что он заговорил о дочери, потому что раньше, Дубов её не упоминал в таком ключе. Только обмолвился, что ему нужно, чтобы я нашла лучшие ясли в городе, потому что кроме няни, ребёнку необходимо общение с другими детьми.

Конечно, первым моим порывом было расспросить его поподробнее о малышке. Однако, я вовремя отдёргнула себя, понимая, что это как раз та граница, которую он запретил переступать. Никаких личных тем. Только работа.

– В таком случае, я поработаю над теми документами, которые мне сегодня передали для Вас. Если позволите сказать, некоторые из них не стоят Вашего времени и с ними вполне мог бы разобраться Александр Александрович.

Александр Александрович является старшим продюсером и честно говоря, выезжает за счёт сотрудников, не желая выполнять свои элементарные обязанности.

– Думаешь? – с сомнением смотрит на меня Дубов.

А меня несет. Потому что какой бы работой я не занималась, моя педантичность и любовь к быстрому решению задач, всегда берет верх.

– Станислав Сергеевич, Вы не замечали, что только Александр Александрович несет Вам все, с чем работает на данный момент? Другие продюсеры...

– Замечал, – прерывает меня на полуслове начальник. – Не надо считать меня идиотом, Марина. Я прекрасно понимаю, что Саша – худший в моей команде. Но у меня есть причины не увольнять его. Именно поэтому, я **сам** распорядился, чтобы он нес мне все.

Я бледнею, поняв, что сказала что-то не то. Черт возьми, ну почему я не могу промолчать там, где моего мнения не спрашивают? Я вообще не должна желать добра этому мерзавцу, так с какой стати мне волноваться за его дела?

– Извините, Станислав Сергеевич.

– Нет нужды извиняться, Марина, – неожиданно усмехается мужчина, откидываясь на спинку кресла. – Мне нравит-

ся, что ты сосредоточена на работе и выполняешь свои обязанности с таким рвением и ответственностью. Можешь выдохнуть. Я беру тебя на постоянную должность. Думаю, мы отлично сработаемся.

Я чуть не оседаю от облегчения.

– Спасибо, Станислав Сергеевич! – благодарю его почти искренне. – Вы не представляете, как много это для меня значит.

Стас

Сначала мне кажется, что Марина боится меня. Она редко смотрит мне в глаза, пытается поскорее исчезнуть после того, как задачи обговорены, а еще, постоянно нервно сжимает кулачки, если только ее руки не заняты чем-то.

Однако, потом понимаю, что это не страх, а неприязнь. В чем окончательно убеждаюсь к концу недели. Не знаю, чем она вызвана, но мне неприятно. Потому что повода я не давал и, хотя мне обычно плевать на чужое мнение, она мне нравится. Нравится так, как давно не нравились женщины. Но ее чувства, очевидно, совершенно противоположны и я ощущаю себя настоящим идиотом из-за этого.

Я не собирался оставлять ее на постоянную должность. Не потому, что, она не справлялась – с этим проблем не было, а потому что не справлялся я сам. С собой. Со своими чувствами. Я ведь только развелся и даже не думал заводить новые отношения, но она заставила меня хотеть того, от чего я отказался.

Марина. Маришка. Маря...

Хрупкая девушка с грустными глазами и твердым характером. Та, которая не замечает меня. Не чувствует ко мне того же притяжения, которое чувствую к ней я.

Не смог ее уволить. Собирался, но стоило увидеть ее с утра, такую полную надежд, такую трудолюбивую и старательную, что язык не повернулся сказать ей уйти. А уж когда она впервые одарила меня благодарной улыбкой, я окончательно потерял от нее голову, потому что улыбка у Мари оказалась колдовской.

Смеюсь сам над собой из-за того, что умудрился влюбиться, как мальчишка, едва ли не с первого взгляда. Никогда не верил в подобную ерунду, но вот он я – пускающий слюни по одной маленькой строгой девочке. Ее же в карман положить можно! Я смотрюсь до смешного нелепо рядом с ней, со своими габаритами и высоким ростом почти в два метра.

«Доходяга» – звали меня все в школьные годы и даже в студенческие, потому что поступил на один факультет с тремя одноклассниками.

«Только с тобой я могу спокойно носить высокие каблуки» – говорила Регина, в которой было метр восемьдесят роста.

Маря же, даже на каблуках, едва доходит мне макушкой до плеча. Я однажды загляделся на наше отражение в лифте и только тогда понял, каким же нелепо большим кажусь на ее фоне. Как чертов Халк! Не удивительно, что Мариша

относится ко мне с опаской. Вряд ли мне удастся скрывать свои чувства к ней, хоть я и пытаюсь изо всех сил не пялиться на нее без повода. Но какая же она красивая! Аж дух захватывает.

– Я могу идти домой? – заглядывает ко мне, как раз, мое хмурое солнышко в седьмом часу вечера.

– Твой рабочий день заканчивается в шесть, Марина, – в который раз говорю ей. – Я же сказал, что нет нужды задерживаться.

Хоть я и обожаю, когда мы остаемся одни на этаже, а потом наедине едем в лифте, Маришка выглядит уставшей и изможденной. Она действительно много работает, под ее прелестными лисьими глазками залегли темные круги.

– Не хотела оставлять на завтра почту. До завтра, Станислав Сергеевич.

– До завтра, Марина.

На этот раз отпускаю ее одну, хотя обычно нахожу повод спуститься вместе. Мало кто в курсе, что я живу в этом же здании, на верхнем этаже. Марина тоже пока не в курсе, но я собираюсь это исправить. Никогда не останавливался перед трудностями, а Маря – это самая желанная, хоть и сложная, вершина.

Смотрю ей вслед, пока она идет по коридору вниз, выйдя, якобы, взять отчет с ее стола, а потом уныло возвращаюсь в кабинет, потому что жду видеозвонок от своего скандального подопечного, который находится в туре по Европе. Не

могу говорить с ним из дома, потому что запретил себе забирать работу домой. Я и так мало времени провожу со своей дочкой, так что, как только переступаю порог квартиры, я полностью вступаю в распоряжение своей малышки.

Глава 5

Марина

День, когда у Аришки должен был быть первый день рождения, выпадает на субботу. Я провожу его, ревя белугой, и даже в воскресенье меня не отпускает. В итоге, на работу в понедельник иду с красными глазами и раскалывающейся головой.

Уже доезжая, вижу сообщение от Дубова, что его не будет в офисе до обеда, и, если честно, выдыхаю с облегчением. Сегодня мне особенно сложно находиться в его обществе.

Если бы я познакомилась со Станиславом Дубовым, не зная о его поступке, я посчитала бы его приятным и даже привлекательным мужчиной. Хотя, мало кто не согласился бы с тем, что он привлекателен внешне – высокий, спортивный бугай с ярко-голубыми глазами и истинно мужскими, словно высеченными на граните, резкими чертами лица.

Надо сказать, в той, другой жизни, меня всегда привлекали большие мужчины с мощным мужским началом. Валера тоже такой. Вот только за напускной мужественностью скрывается мелкая душонка, чего я не поняла, слишком окрыленная своей слепой любовью к нему. Да и опыта у меня не было, все-таки, Валера был моим первым во всем, включая даже такую банальную вещь, как поцелуй.

Как бы то ни было, а суровая правда заключается в том,

что и Стас Дубов, который всегда был вежлив со мной, даже когда я совершала ошибки, помогая исправлять их вместо того, чтобы отчитывать, на самом деле не является таким хорошим, каким кажется. И даже не будь у него моей дочери, он все равно очень некрасиво поступил со своей женой, ведь очевидно, что пока Регина Бальмонт вынашивала их малыша, то же самое делала для него другая женщина.

Я не знаю точно, каким образом наши судьбы пересеклись, не знаю, как родилась его дочь, но я знаю точно, что она моя. И как только у меня будет шанс приблизиться к ней, я обязательно возьму генетический материал для анализа ДНК и докажу, что являюсь биологической матерью. Если же результаты будут отрицательными – значит, я действительно сошла с ума. Я просто уйду из их жизни и перестану преследовать чужого ребенка, хоть это и больно, потому что девочка – копия моей Арины.

Даже если это не она и не ее сестра, я была бы рада видеть, как этот ребенок становится взрослым. Потому что это приносило бы мне утешение, которого я не могла найти ни в чем, пока не встретила ее.

Поднявшись на свой этаж, я вижу ожидающего в приемной Михаила Арсеньевича.

– Марина, Вы сегодня прелестны! – делает мне комплимент Михаил и я вежливо улыбаюсь в ответ. – Доброе утро!

Он очень обаятельный мужчина и расточает комплименты всем дамам, которых встречает в течение дня, так что я

не воспринимаю всерьез его легкий флирт.

– Доброе утро и спасибо! – отвечаю ему, проходя к своему столу. – Вы ждете Станислава Сергеевича? Он сегодня работает с обеда.

– Да, я в курсе, – говорит мужчина. – На самом деле, я здесь по его поручению. У меня для Вас конфиденциальная информация, которую, хочу напомнить, Вы не имеете права разглашать по договору, который подписали при приеме на работу.

Честно говоря, я заинтригована.

– И какая же?

– Сегодня Вы работаете у Стаса дома первую половину дня. Он поручил мне провести Вас к нему, а так как, кроме меня, никто не в курсе из компании, где он живет, то Вы будете второй.

– Что ж, это большая честь, – поддерживаю его игривый тон, хотя внутри кричу от невероятного счастья.

«Я попаду к нему домой! Неужели, мне и правда так везет?»

– Прошу к лифту, – галантно приглашает меня Михаил Арсеньевич, доставая из кармана пиджака какую-то штуку.

Оказавшись в лифте, понимаю, что это ключ от этажа, на который невозможно подняться простым смертным. Значит, Дубов живет в том же здании, где работает?

– Я с Вами не пойду, но ключ передайте Стасу, – говорит мне Михаил, вставляя серебристую штучку в нужное отвер-

стие и нажимая на кнопку, а потом давая дверям лифта закрыться за собой.

В моих руках сумка и папка с документами, которую я прихватила со стола. Пока поднимаюсь, смотрю на себя в зеркало. Выгляжу хорошо, я сегодня надела розовое платье прямого кроя с бежевыми лодочками и сумкой. Минимум макияжа, прямые волосы, собранные в низкий хвост. Не вызывающий, но красивый образ.

Я уже дошла до таких сумасшедших планов, что даже стараюсь понравиться начальнику, как женщина. Уже замечала на себе заинтересованные взгляды и если я действительно правильно их восприняла, то у меня может появиться реальный шанс добиться хоть чего-нибудь. Не хочется так поступать с самой собой, но я настолько отчаялась, настолько устала испытывать эту боль, что границы моих моральных принципов стерлись и осталась одна лишь серая зона, в которой возможно все.

Как только двери лифта открываются, я сразу же оказываюсь в апартаментах – иначе не скажешь, своего босса. Это огромная гостиная, объединенная со столовой, оформленная в мшисто-зеленых и матово-бежевых цветах. А больше всего внимания привлекает диван – большой и мягкий, на низких ножках и с невысокой спинкой. Так и хочется с разбегу запрыгнуть на это чудо, потому что для меня диван в доме – чуть ли не самый главный атрибут мебели, ведь именно на нем я провожу большую часть вечеров, и даже частень-

ко засыпаю, не удосужившись пойти в постель.

– А, Марина! Ты пришла, – появляется, как черт из табакерки, Дубов, заставляя меня вздрогнуть от неожиданности.

«Очень одомашненный Дубов» – с удивлением подмечаю я.

Не сказать, что на работу он носит костюмы, все-таки медийная личность и одевается он стильно, следуя веяниям современной моды, но увидеть его в тонких клетчатых штанах и заляпанной, болотного цвета жижей, футболке, я не ожидала.

– Доброе утро, Станислав Сергеевич!

– Доброе! Пойдем на кухню.

Он машет рукой, приглашая меня последовать за собой, и ведет по короткому коридору в сторону кухни, на пороге которой я застываю, как вкопанная, увидев в детском стульчике Аришку. Мою сладкую девочку, которая тут же ловит мой взгляд и смущенно смотрит на Дубова.

– Проходи же, Марина, – говорит он мне. – Это моя дочь Арина. Наша няня взяла отгул на полдня, так что придется поработать из дома.

Он совершенно не обращает на меня внимания, стоя у плиты спиной и что-то помешивая в сковородке.

– Как только позавтракаем, Аришку уложу спать. Она сегодня с шести утра хулиганит. Потом мы с тобой спокойно поработаем, а вечером, я хочу, чтобы ты сопровождала меня на встречу со Смольяновым.

Его голос для меня – белый шум, потому что я слышу только, как сердце стучит в ушах, пока нерешительно и со страхом приближаюсь к перепачканной в детском пюре, малышке. Она смотрит на меня в упор, посасывая свой липкий кулачок, и ее большие голубые глазки захватывают в плен все, что я из себя представляю. Она – смысл моей жизни и я вижу только ее. Все остальное, весь мир, словно исчез.

Протягиваю руку, поглаживая ее пухлую щечку и пачкая пальцы, но Аришка испуганно откидывается назад, на спинку стульчика, чтобы избежать моих прикосновений. Не узнает меня. Бойтся. Глаза наполняются слезами и я делаю шаг назад, чтобы не пугать ее, когда неожиданно мой морок рассеивает голос Дубова:

– Любите детей?

– Обожаю, – улыбаюсь сквозь слезы, все еще не смотря на него. – У Вас очаровательная дочь.

– Спасибо, – отвечает он. – Чем-то на тебя даже похожа.

Вздрагиваю от жестоких слов и сжимаю кулаки, оборачиваясь, но он лишь игриво улыбается, глядя на меня восхищенным, истинно мужским, взглядом. Меня чуть не передергивает.

– Садись, Марина. Поедим.

– Я не хочу, спасибо, – отказываюсь, потому что кусок в горло не полезет.

– Ну, чего ты, – подтрунивает он. – Не каждый мой сотрудник может похвастаться, что ел блюдо, приготовленное

моими руками. Хоть попробуй. Кофе хочешь?

– Латте, спасибо, – отвечаю только из вежливости, садясь за большую стойку на высокий стул подальше от Арины.

Не могу выдать свои эмоции, лучше даже не смотреть на нее, пока не приду в себя. Я так все испорчу, а Дубов заметит. Он уже закончил готовить яичницу с овощами, так что все внимание будет теперь на мне.

Так и случается. Начальник ставит передо мной кофе и тарелку с яичницей и тостом, а сам садится напротив. Я нехотя беру вилку и кладу в рот немного еды, совершенно не чувствуя ее вкуса.

– Очень вкусно, – делаю комплимент, пережевывая и проглотив.

Он тоже начинает есть, бросая на меня загадочные взгляды. Я сошла с ума или Дубов волнуется? Очень странная ситуация, как и воцарившееся между нами напряжение.

Я стараюсь хоть немного поесть, чтобы не обидеть его, но кусок в горло не лезет, а напряжение только возрастает.

– Простите, но я сегодня уже завтракала, – говорю, наконец, отодвигая от себя тарелку. – Хотя Вы действительно очень хорошо готовите.

– Марина, ты не должна есть в угоду мне, – строго говорит Дубов. – Я же не тиран какой-нибудь, да и с эго у меня все в порядке.

– Я так и не думала, – пытаюсь сгладить ситуацию.

Противно от самой себя. Никогда не была блеющей овцой

и перед начальством стелиться привычки не имела, а с ним приходится вести себя так, словно нахожусь на минном поле. Один неверный шаг – и конец.

Дубов, наконец, заканчивает есть и я могу спокойно вздохнуть, когда он поднимается, больше не нервируя меня своими сканирующими глазами.

– Подожди в гостиной, пока я уложу ее, – говорит мне мужчина, подхватывая своими огромными ручищами мою маленькую девочку.

Арина прижимается к его широкой груди, пряча от меня личико в мощной шее, и мне хочется вырвать ее из его рук, а потом хорошенько надавать Дубову по щекам за то, что украл моего ребенка и заменил ей меня.

– Что с тобой? – спрашивает он и я понимаю, что зависла.

– Мм... ничего. Я пока разберу почту.

Подхватываю папку с сумкой со стойки и быстро иду в гостиную, пока не потеряла самообладание. Как же это, оказывается, трудно – прятать ненависть к человеку глубоко внутри и не давать ей прорываться наружу.

Глава 6

Стас

Маря ведет себя странно, но я списываю это на неловкость. Все-таки, не каждый день приходится бывать в доме начальника и видеть его в таком непрезентабельном виде.

Несу Аришку в ее комнату, чтобы переодеть и уложить спать. Маленькая негодница не только себя, но и меня умудрилась всего обмазать своим овощным пюре.

– Па! – радостно восклицает мой робкий ребенок, как только мы уходим от Мари.

К незнакомым людям она привыкает трудно и относится с опаской, именно поэтому я принял нелегкое решение отдать ее в ясли на полдня. А то весь мир моей девочки вращается вокруг меня и няни.

– Я тебе покажу па, хулиганка! – рычу ей в животик и она залиvisto смеется.

Быстро умываю ее личико и крошечные ручки в ванной, а заляпанную одежду скидываю в стирку, включая и свою футболку, после чего переодеваю вертящуюся малышку в крошечную пижамку и укладываю в кроватку. Она обычно засыпает в течение пяти-десяти минут. Сажу рядом, пока это не происходит, слегка покачивая кроватку, как она любит, и, когда ее большие голубые глазки закрываются, а маленький ротик, наоборот, приоткрывается, понимаю, что все –

заснула.

Как бы мне не хотелось заявиться к Маришке полуголым и увидеть ее шокированный взгляд, все же, надеваю чистую футболку, прежде чем вернуться к ней. Она сидит на диване и копошится в папке, которую принесла с собой, явно что-то разыскивая и выглядя обеспокоенной.

– Что-то не так? – тут же включаюсь в рабочий режим.

– Здесь нет перечня, – говорит она, поднимая на меня встревоженные лисьи глазки. – Без него эти документы – просто непонятная кучка, которую разбирать пару часов. И это я еще почту отделила, а ведь и на нее нужно время.

В некоторых случаях мы пользуемся сугубо бумажной почтой в целях безопасности, так как уже пару раз случалась утечка информации через сеть. Это занимает дополнительное время моего ассистента, так что неудивительно, что она волнуется – у нас сегодня очень много дел.

– Когда вернемся в офис позови себе кого-нибудь на помощь, – говорю ей. – Если не уверена насчет кандидатуры, спроси у Миши. Мне нужно, чтобы к туру ты была готова. Скажи своему помощнику, что он получит поощрительную премию.

– Хорошо, Станислав Сергеевич, – благодарно улыбается Маря и я готов сделать что угодно, лишь бы она делала это почаще.

Марина – очень серьезная молодая девушка. А еще, очень грустная. Не знаю, что такого сделал ее бывший муж, но са-

ма мысль о том, что она настолько несчастна из-за недавнего развода, заставляет меня желать хорошенько набить ему морду.

Только большим усилием воли я удерживаюсь от того, чтобы начать наводить справки о ее прошлом. Возможно, это только в моем воображении между нами может что-то начаться, но мне бы хотелось, чтобы она сама поделилась тем, что сочтет нужным. Почему-то, с каждым днем во мне растет уверенность, что Маря смягчается по отношению ко мне и я надеюсь, что приближающийся тур моего подопечного, во время которого я буду его сопровождать вместе со своей личной ассистенткой, сблизит нас.

– Ты готова к поездке, Маря? – спрашиваю у нее.

– Маря? – вопросительно приподнимает бровь девушка.

– Оговорился, – быстро поправляюсь я.

– Да, я готова. А дочку с собой возьмете?

– Конечно, куда я без нее? Я единственный родитель и оставлять ребенка на няню на целых три недели было бы бесчувственно. Боишься неудобств?

– Нет, что Вы, – улыбается Марина. – Я люблю детей, а Ваша дочь очаровательна. Думаю, мы сможем поближе пообщаться в этой поездке.

«Очень надеюсь на это, Маришка» – думаю я.

Марина

Я не ожидала, что Дубов возьмет меня с собой в тур, но оказалось, что он всегда берет с собой ассистента. Еще я не

думала, что продюсеры, тем более такие знаменитые, в принципе ездят по турам, но тут скорее одно из многих исключений. Дубов сопровождает Ярослава Владимирова – очень знаменитого, но, к сожалению, скандального исполнителя, печально известного своими выходками.

– На флирт и всякие сомнительные предложения не реагируй, – предупредил меня насчет него начальник. – Он ленивый, так что, если девушка не проявляет интерес, переключается на вариант попроще.

Я не слишком переживаю насчет Владимирова, думая только о том, что стану ближе к Аришке. Моей Аришке. А она точно моя. И дело не только во внешности и имени, которые совпадают. В тот момент, когда я увидела ее так близко, прикоснулась к ней, я поняла, что это мой ребенок. По-другому и быть не может.

Мысль о том, что Дубов каким-то образом получил мою дочь убивает меня. Я хочу потребовать у него ответа, как и зачем он это сделал. Потом смотрю в его голубые глаза – такие же, как у моей дочери, и понимаю, что он ее отец. Не Валера, а он. В Аришке нет ничего от моего бывшего мужа. Мы думали, что она похожа на других родственников, свекровь утверждала, что Арина вся в прабабушку. А она в своего настоящего отца. Тот же изгиб рта, те же глаза. А может даже цвет волос, ведь мы оба с Дубовым блондины, а Валера брюнет.

Валера перестал поднимать трубку уже после первой неде-

ли моих звонков, во время которых я требовала рассказать мне правду. С порога клиники бывшей свекрови меня разворачивает охрана. Наконец, за неделю до нашего отъезда в тур, я все же сторожу Марту у ее дома, потому что больше не могу строить предположения одно безумнее другого. Она возвращается к восьми вечера и как только подходит к подъезду, я выхожу ей навстречу из такси, которое заставила прождать час, чтобы было где спрятаться до ее появления.

– Марина, – при виде меня напрягается женщина, останавливаясь на полушаге.

– Нам нужно поговорить, – без предисловий заявляю ей.

– У меня нет желания выслушивать твои бредни. Вы с моим сыном официально разведены. Я не обязана больше вникать в твои проблемы, особенно в свете твоего неуважительного отношения ко мне.

Я знала, что она ответит подобным образом. У них с сыном даже оправдания одинаковые.

– Я теперь личный ассистент Дубова, – говорю ей прямо. – Специально устроилась к нему, чтобы подобраться к ребенку и взять образец для анализа ДНК.

– Да что ты? – недоверчиво усмехается бывшая свекровь. – Может еще скажешь, что замуж за него собираешься?

Не верит мне. Ну, что ж, доказать свои слова для меня не проблема.

– Сейчас сами увидите, – говорю ей, доставая телефон. –

Встаньте так, чтобы Вас не было видно в камере.

Набираю видеозвонок Дубову, пока она с сомнением смотрит на меня, и сама поворачиваюсь так, чтобы ее не было видно, но она могла видеть экран моего телефона.

– Марина? – с удивлением в голосе отвечает мой начальник. – Раньше ты мне по видео не звонила.

Он не выглядит недовольным моим звонком.

– Ой, я не тому набрала, Станислав Сергеевич! – строю из себя дурочку. – Извините за беспокойство, пожалуйста!

– Ничего страшного, – улыбается он, явно находясь дома, в расслабленном состоянии, а не на встрече, как я боялась. – Звони, кому собиралась, не буду отвлекать. Увидимся завтра в офисе.

– Хорошо, до завтра, – улыбаюсь ему в ответ, и завершив звонок, смотрю на побледневшую свекровь. – Теперь мы можем поговорить, Марта Платоновна?

– Давай поднимемся наверх, – обреченно говорит она, и, я начинаю дрожать в предвкушении долгожданных ответов.

– Садись, – предлагает Марта, когда мы оказываемся в ее кухне.

– Я постою, спасибо.

Мои нервы на пределе, и я едва удерживаю себя от того, чтобы начать ходить взад-вперед по комнате.

– Прежде чем я что-либо скажу, мне нужно проверить твою сумку и карманы на записывающие устройства, – гово-

рит она мне, удивляя такой продуманностью.

Честно говоря, я хотела записать наш разговор на телефон, но даже без него, мне **необходимо** услышать правду.

Раскрываю сумку и позволяю этой хитрой женщине копаться в ней, после чего смиренно стою, пока она проверяет мои карманы.

– Отлично, – говорит Марта. – Оставь вещи здесь, включая телефон, и пойдем в гостиную.

– Ну, прям шпионские страсти, Марта Платоновна, – язвительно фыркаю я, идя за ней.

Она садится на диван с видом оскорбленной невинности, и, я все же присаживаюсь на краешек кресла, напряженно сцепив пальцы вместе, чтобы быть с ней лицом к лицу.

– Девочку зовут Ариной и она похожа на твою Арину, но это совпадение, Марина, – говорит она, миглом выводя меня из себя.

– Опять ложь! – гневно вскакиваю на ноги. – Вам не надоело?

– Дай мне договорить, – спокойно продолжает Марта. – Я не сказала, что она не имеет к тебе никакого отношения, не так ли?

– И что это значит?

Женщина вздыхает и откидывается на спинку дивана, словно я ее невероятно утомляю.

– Вы с Валерой хотели детей, но не могли зачать. Та же проблема была и у Дубова с женой. И в обоих случаях я по-

могла. В вашем – чтобы спасти брак своего сына, в их – чтобы заработать. Валера не может иметь детей, Марина. И он об этом не знает, да я и не хотела, чтобы знал. Мой сын гордый человек, это очень уязвило бы его самолюбие. Поэтому, я решила сделать тебе оплодотворение от другого донора. Выбрала Дубова, потому что у него отличная наследственность. Да и ребенок был бы похож, потому что он тоже блондин, как ты, а глаза у него голубые, как у моей матери. А в случае Дубова вообще все проще простого. У его жены карие глаза, как у тебя. Еще одно удачное совпадение. А самое главное, обычно ДНК тест клиенты делают на отцовство, если у них возникают сомнения. Пусть его жена не могла иметь детей, но они-то этого не знали. Она и выносить имела мало шансов, о чем я ее все же предупредила, и тогда, Регина мне доплатила, чтобы я нашла суррогатную мать. Про запас.

В моей голове каша, потому что я не сразу понимаю, что за ересь она несет.

– Говорите по фактам!

– Я оплодотворила твои яйцеклетки материалом Дубова и эмбрионы подсадили трем женщинам, – словно дурочке, медленно проговаривает Марта раздраженно. – Ты родила свою дочь. Регина потеряла ребенка на позднем сроке. А суррогатная мать родила девочку, которую отдали в дом Малютки. Регина не захотела оставлять ее, а предпочла развестись с мужем и забыть об этой неудаче.

Я не могу поверить в эту аферу. Это просто уму непости-

жимо!

– Как тогда у Стаса появилась дочь? И почему ее зовут Арина?

– Потому что он сам ее назвал. Это совпадение, Марина. Иногда такое случается. Он узнал о девочке и забрал ее после того, как тест подтвердил отцовство. Эту информацию ему предоставила одна из моих бывших сотрудниц в обмен на деньги. Она десять лет была моим доверенным лицом, а тут взяла и предала. Естественно, никаких документов не осталось, но Дубов мог засудить меня, однако, нам удалось мирно договориться, потому что ему и самому не нужен скандал. И если бы ты не начала лезть во все это, правда никогда не всплыла бы наружу. Я по-хорошему предупреждаю тебя Марина, не лезь к нему качать права. Он никогда не отдаст тебе своего ребенка. Просто забудь. Да, девочка похожа на свою умершую сестру, но это разные дети. Не ты ее родила и фактически, ты ей никто. Зачем тебе губить свою жизнь из-за незнакомого ребенка? Выходи замуж и рожай, сколько хочешь. Стас Дубов – не простой смертный и бороться с ним бесполезно. Он разрушил мой бизнес, Марина. Изнутри, тихо, но разрушил. Мы вот-вот закроемся. Сама увидишь в новостях. Послушай моего совета и оставь это дело.

– Вы даже не сожалеете о своем поступке, – неверяще качаю головой. – Что Вы за человек такой, Марта Платоновна?

– Я не сделала ничего дурного, – напрягается женщина. – Если бы Аришка не умерла, ты и не узнала ничего о доче-

ри Дубова, не интересовалась бы. Просто списала бы сходство детей на совпадение, если даже встретила бы ее где-нибудь. Ты сейчас пытаешься заменить своего ребенка другим, Марина. Это ненормально. Тебе нужно держаться от них подальше, заняться собой, а ты только ухудшаешь свое психическое здоровье.

– Я не нуждаюсь в Ваших лекциях! – в запале кричу на нее. – Вы не имели права! Как Вы только посмели?

Не могу сдержать горьких слез от осознания правды. Это действительно не она. Не моя Аришка. Чужая. Другая.

Бегу из этой квартиры, чудом вспомнив о своей сумке, оставленной в кухне, и падаю на лавочку возле подъезда. Нет сил идти домой. Не могу поверить, не хочу, но в голове бьется настойчивая мысль, что слова Марты все объясняют. Я ведь помню ту ночь. Аришка не дышала. Память меня не обманывает. Чувства обманывают. Глупые, бесполезные инстинкты, кричащие, что ребенок мой и Марта лжет! Но чему же мне верить?

Я так запуталась...

Глава 7

Стас

– Я не могу в это поверить! – восторженно говорит няня Ариши, Люба, смотря как моя девочка бодро вышагивает, цепляясь за мои руки. – Сначала вообще не ходила, а теперь, вдруг, сразу такой прогресс.

– А ты беспокоилась, – упрекаю ее, с широкой улыбкой наблюдая за малышкой. – Все с ней в порядке.

Не могу взять в толк, как она может передвигаться на таких крохотных ножках, но Арина прекрасно справляется. Хожу с ней по комнате кругами, пока она не устает и не шлепается на попку, протягивая ко мне пухлые ручки с безмолвной просьбой взять ее.

– Моя умница! – хвалю ее, беря на руки и целуя в лобик. – Теперь можно и поест, да?

– Мне покормить ее, Стас Сергеич? – спрашивает Люба.

– Можешь идти домой, Люб, – говорю няне. – Дальше мы сами.

Сегодня воскресенье, так что можно отпустить Любу насовсем. После ее обеденного сна, я собираюсь поехать с дочкой к друзьям.

– Тогда до свидания! – радуется няня, подхватывая свою сумку со сто лика. – Пока Аришка!

Ариша махает ей ладошкой, как ее научила делать Люба

при прощании, и няня уходит, оставляя нас одних, а я несущу дочку на кухню. Хотя мы и питаемся в основном твердой пищей, на обед малышка все еще прикладывается к бутылочке, после чего спит минимум час.

– Разве у тебя не образцовый папочка? – спрашиваю у нее, готовя смесь. – А еще пару месяцев назад Люба боялась доверить тебя мне. С няней нам повезло, Ариша.

Арина согласно агукает, нетерпеливо протягивая ручки к бутылочке, которую я трясущу, чтобы смесь растворилась в теплой воде. Сразу же, как она становится готова, я отдаю дочке ее ужин и несущу в детскую, где укладываю в кроватку. Она автоматически засыпает к концу кормления, совсем как в первые месяцы – эта привычка у нас еще не ушла.

Стою еще пару минут, наблюдая за ней, а потом ухожу на кухню. Неплохо бы и самому поесть.

Из мыслей не уходит моя ассистентка. Маришка моя. Маря... Как я мог так быстро влюбиться в практически незнакомую девушку? Этот вопрос задаю себе снова и снова. Меня уже не беспокоит это сумасшедшее влечение. Волнует скорее ее безразличие. Она совсем не воспринимает меня, как мужчину. Смотрит словно сквозь меня, не теряется, не задерживает дыхание, когда я приближаюсь слишком близко, а я делал так несколько раз, чтобы проверить ее реакции, словно невзначай.

Плохо дело – приходится признаться себе. Не влечет ко мне Марину. А в последние дни она вообще ведет себя очень

странно. Стала еще более угрюмой и задумчивой. Ее явно что-то беспокоит, заставляя уходить в свои мысли на рабочем месте и возвращаться с обеденного перерыва с красными и припухшими глазами.

Пока мне в голову приходит только одна мысль – бедняжка не может отойти от недавнего развода. Я помню свое состояние после расставания с Региной, поэтому могу ее понять. Наверное, ей сейчас совсем не до мужчин, или же я пытаюсь себя таким образом утешить, но в любом случае, собираюсь дать Маре немного времени и как только ее настроение изменится – сделать первый шаг. Лучше сделать и пожалеть, если не выгорит, чем думать потом, а что было бы, решишь я попытаться завоевать ее сердце, не опасаясь отказа.

После обеда, дожидаясь пробуждения дочери, не могу устоять перед искушением и все же набираю номер Марины. Не слышал ее с пятницы, а такое чувство, словно неделю не виделись.

«Ты стал таким слюнтяем, Стас» – мелькает в голове мысль, но тут же исчезает, как только Маря берет трубку и я слышу ее голос.

– Здравствуйте, Станислав Сергеевич! Слушаю Вас.

Зараза, даже ее голос сводит меня с ума!

– Здравствуй, Марина! – говорю ей. – Надеюсь, я не от чего тебя не отвлекаю.

На заднем фоне слышится музыка. Где это она? Развлекается?

– Нет, что Вы. Я просто вышла в супермаркет за продуктами.

«Супермаркет! А я надумал себе черте что. Вот придурок ревнивый!»

– Я почему звоню-то? – неловко откашливаюсь, не зная, что придумать. – Хотел спросить, все ли готово к отъезду послезавтра. Помощник Славы уже связался с тобой?

– Можете не беспокоиться, у меня все под контролем, – бодро говорит Мариша и я рад, что ее угрюмое настроение изменилось.

Таких интонаций в ее голосе не слышал уже несколько дней. Она была словно безжизненная, автоматически и совершенно бесстрастно разговаривая с окружающими.

– Это отлично, я и не сомневался в тебе, – коря себя за косноязычие, хвалю ее. – Тогда, увидимся завтра.

– До скорого, – отвечает девушка и кладет трубку.

Прижимаюсь лбом к столешнице и стону сквозь зубы. Ну почему я теряюсь, как подросток, когда разговариваю с ней?!

Не светит мне ничего с Маришкой, если я и дальше буду вести себя, как застенчивый дебил. Никогда так не терялся в разговоре с девушкой, даже в ранней молодости. Что за напасть такая?

Марина

Видит Бог, я пыталась. Часами продумывала самые разные варианты развития своей дальнейшей жизни, но, так и не додумалась не до чего.

У меня нет семьи. Мама умерла, когда я училась на первом курсе, а отца никогда и не было. Дядя с женой живут в Ростове и видимся мы раз в год, если повезет. Никаких бабушек и дедушек, даже двоюродных братьев и сестер нет.

Валера и его мама были моей семьей последние три года. Теперь и их нет. Да, я и не убиваюсь по ним, зная теперь, какие они оба черствые и циничные. Может Валера и не был в курсе интриг своей матери, но он не особо страдал после смерти Аришки. Месяца не прошло, как предложил завести нового ребенка.

А его попытки втянуть меня в светские тусовки, которые он так любил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.